

Къ намъ благосклоненъ тогда снова станетъ отецъ Олимпіецъ».

Такъ онъ сказалъ и, вскочивъ, подаетъ двухстороннюю чашу
Въ руки возлюбленной матери, съ рѣчью такой обращаясь: 585.

«Милая мать! Претерпи и снеси, какъ ни тягостно горе,
Да не увижу своими глазами тебя, дорогую,
Нынѣ побитой; тогда, хоть и сильно въ душѣ огорченный,
Помощь подать не смогу: въ состязаньи тяжель Олимпіецъ.
Онъ ужъ однажды меня, когда я защищать порывался, 590.
За ногу взялъ и швырнулъ отъ порога небеснаго дома.

Цѣлый носился я день, и лишь вмѣстѣ съ садящимся солнцемъ
Паль на далекій Лемнось, и во мнѣ чуть держалось дыханье.
Мужи Синтійцы меня, тамъ упавшаго, приняли кротко».

Такъ онъ сказалъ. Улыбнулась тогда бѣлорукая Гера, 595.
Кубокъ у сына изъ рукъ, улыбаясь, взяла; онъ-же тотчасъ
И остальнымъ всеѣмъ безсмертнымъ, отъ правой руки начиная,
Сладкаго нектару налилъ, изъ чаши большой почерпая.
И несмолкаемымъ смѣхомъ залились блаженные боги,
Видя Гефеста, какъ онъ хлопоталъ по чертогу, хромая. 600.

Цѣлый тотъ день, пока солнце склонилось, они пировали,
И недостатка на пиршествѣ не было въ общемъ довольствѣ,
Не было въ лирѣ прекрасной, звучащей въ рукахъ Аполлона,
Не было въ Музахъ, которыя пѣли, чредой, сладкогласно.

Послѣ-жъ того, какъ затмилось сіянье блестящее солнца, 605.
Каждый въ свой домъ удалился, желая предаться покою,
Тамъ, гдѣ Гефестъ обоюдо-хромой, знаменитый художникъ,
Съ дивнымъ расчетомъ построилъ чертоги, для каждого бога.
Къ ложу пошелъ своему и Зевесъ, Громовержецъ Олимпа.
Тамъ отдохнулъ онъ сперва, а когда сладкій сонъ опустился, 610.
Легъ и заснулъ, — и легла рядомъ съ нимъ златотронная Гера.